

Состав правоприменительного усмотрения как общетеоретическая модель правового выбора

The structure of law-application discretion as a general theoretical model of legal choice

DOI: 10.12737/2500-333X-2026-11-2-42-50

Оносов Ю.В.

Канд. юр. наук, доцент кафедры публичного права, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург
e-mail: onosov_nn@mail.ru

Onosov Yu.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Public Law, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg
e-mail: onosov_nn@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается конструкция состава правоприменительного усмотрения как общетеоретической модели правового выбора. Усмотрение рассматривается не как дефект правового регулирования и не как побочный продукт неполноты закона, а как юридически организованный механизм конкретизации права в условиях юридически значимой неопределенности. Предлагается система взаимосвязанных элементов состава: субъектный, объективный, содержательный, телеологический, аксиологический и формально-результативный компоненты, а также основание усмотрения и пределы, отделяющие правомерный выбор от произвола. Особое внимание уделено признанию субъектами юридического усмотрения не только носителей публично-властных полномочий, но и частных лиц, когда право предоставляет им пространство юридически значимого выбора. Практическое значение предложенной модели состоит в возможности ее использования для анализа судебных и административных решений, оценки мотивированности, соразмерности и проверяемости правоприменительного выбора.

Ключевые слова: правоприменительное усмотрение, усмотрение, правовой выбор, состав усмотрения, пределы усмотрения, произвол, правоприменение.

Abstract

The article substantiates the structure of law-application discretion as a general theoretical model of legal choice. Discretion is considered not as a defect of legal regulation or a consequence of legislative incompleteness, but as a legally organized mechanism for concretizing law under conditions of legally significant uncertainty. The proposed model includes interrelated elements: the subject, objective, content, teleological, axiological and formal-resultative components, as well as the ground of discretion and the limits separating lawful choice from arbitrariness. Particular attention is paid to the fact that subjects of legal discretion may include not only public authorities, but also private persons when the law grants them a legally meaningful space for choice. The practical significance of the model lies in its applicability to the analysis of judicial and administrative decisions and to the assessment of the reasoning, proportionality and verifiability of law-application choice.

Keywords: law-application discretion, legal discretion, legal choice, structure of discretion, limits of discretion, arbitrariness, law enforcement.

Введение

В современной теории государства и права проблема правоприменительного усмотрения сохраняет устойчивую научную актуальность. Это объясняется тем, что именно в усмотрении наиболее наглядно проявляются внутренние противоречия права: стремление к нормативной определенности сочетается с необходимостью индивидуализации решения; формальная законность сталкивается с требованиями справедливости; общая норма должна быть переведена в плоскость единичного факта; свобода выбора должна быть удержана в границах правовой связанности. Поэтому дискуссия об усмотрении не сводится к вопросу о допустимости судебной или административной дискреции, а затрагивает фундаментальные основы правового регулирования и правоприменения [1, с. 12–13; 2, с. 70–79].

Показательно, что и российские, и зарубежные исследования последних лет рассматривают усмотрение не как периферийную проблему техники правоприменения, а как один из центральных вопросов общей теории права. Коллективная монография под редакцией О.И. Цыбулевской раскрывает правоприменительное усмотрение через философские, общетеоретические и отраслевые аспекты, включая пределы дискреции и связь усмотрения со злоупотреблением правом [3]. Диссертационные исследования В.В. Чибизова и А.С. Игнатьева показывают, что тема сохраняет значение и в контексте преодоления юридических коллизий, и в сфере конституционного контроля [4; 5]. Зарубежные работы, напротив, развивают методологический подход, S. A. Reyes Molina связывает судебное усмотрение с системной неопределенностью права [6], Н. Asgeirsson анализирует связь усмотрения с неопределенностью правового языка и пределами рационального юридического выбора [7], а M. I. Tanzilulloh и Н. Hartiwingsih показывают межсистемный характер проблемы через сопоставление *civil law* и *common law* [8].

При этом в отечественной литературе вопрос о составе правоприменительного усмотрения разработан значительно слабее, чем вопросы его понятия, пределов или разновидностей. Классические исследования судебного и административного усмотрения преимущественно сосредотачивались на том, где и в каких пределах субъект вправе выбирать один из нескольких допустимых вариантов. Однако сама внутренняя организация такого выбора — то есть вопрос о том, какие элементы делают усмотрение юридическим феноменом, — чаще всего оставалась на периферии анализа. Между тем без решения этой задачи невозможно последовательно разграничить усмотрение и произвол, усмотрение и толкование, усмотрение и оценку фактов, а также показать, почему правовое усмотрение представляет собой не дефект правового регулирования, а специфическую форму конкретизации права.

Цель настоящей статьи состоит в разработке теоретико-правовой конструкции состава правоприменительного усмотрения как общетеоретической модели правового выбора. Для достижения этой цели необходимо: определить методологические основания структурного анализа усмотрения; раскрыть содержание основных элементов состава; показать диалектические связи между этими элементами; выявить критерии разграничения правомерного усмотрения и произвола.

Методология исследования подчинена задаче раскрыть не только понятие, но и внутреннюю организацию правоприменительного усмотрения. Диалектический подход используется для анализа напряжения между свободой выбора и нормативной связанностью; системно-структурный — для выделения обязательных элементов состава и связей между ними. Формально-юридический метод позволяет проверить предложенную модель на нормативном материале и судебной практике, а сравнительно-правовой — сопоставить российскую доктрину с зарубежными подходами к проблеме юридического выбора.

1. Методологические предпосылки конструкции состава правоприменительного усмотрения.

Исходной предпосылкой настоящего исследования является различие родового и видового уровней анализа. Усмотрение в юридической практике следует понимать как более широкую категорию, охватывающую не только правоприменительное усмотрение органов публичной власти, но и юридически значимый выбор частных субъектов при осуществлении ими субъективных прав. Правоприменительное усмотрение, в свою очередь, выступает центральным видом указанного родового феномена, поскольку именно здесь выбор получает наиболее отчетливую институциональную форму, связанную с компетенцией, процедурой, обязанностью мотивировать решение и возможностью внешнего контроля.

Такой подход позволяет преодолеть распространенную редукцию, при которой усмотрение отождествляется либо исключительно с судебной деятельностью, либо преимущественно с административной дискрецией. Безусловно, судебные и административные решения наиболее ярко демонстрируют ситуацию выбора между несколькими юридически допустимыми альтернативами, однако общетеоретически усмотрение возникает в любой юридически организованной деятельности, где норма не предрешает абсолютно весь путь к результату, а оставляет субъекту пространство для оценки, сопоставления и выбора [2, с. 70–79; 13, с. 145–157].

Необходимость конструкции состава обусловлена тем, что само правоприменительное усмотрение не может быть исчерпывающе объяснено ссылкой на одно лишь наличие нескольких допустимых вариантов решения. Такой подход фиксирует только внешний феноменологический слой проблемы. Между тем для общей теории права важно установить, какие элементы и в каком взаимодействии обеспечивают превращение свободы выбора в юридически значимое усмотрение. В этом смысле конструкция состава выполняет двойную функцию: с одной стороны, она удерживает целостность исследуемого явления, с другой — задает критерии его разграничения со смежными институтами.

Конструкция состава правоприменительного усмотрения представляется особенно продуктивной потому, что позволяет объединить разрозненные направления исследования. Работы А. Барака задали классическую формулу усмотрения как полномочия выбирать между двумя или более законными альтернативами [1, с. 12–13]. Ю.А. Тихомиров показал управленческое и административное значение этой идеи, связывая усмотрение с выбором в рамках права и в пределах компетенции [2, с. 70–79]. Современные авторы развивают данную линию, подчеркивая, что усмотрение выступает одновременно процессом формирования решения и его внешне выраженным результатом [11, с. 134–141; 12, с. 412–414]. Однако указанные подходы нуждаются в общей интегрирующей схеме, способной объяснить, как именно правовой выбор организован изнутри.

Системно-структурный анализ показывает, что состав правоприменительного усмотрения не может быть сведен к механическому набору частей. Его элементы не существуют изолированно: субъект предполагает объект; объект предполагает основание выбора; содержательный элемент невозможен вне пределов и критериев; форма и результат необходимы для внешней объективации решения. Поэтому в статье состав правоприменительного усмотрения рассматривается как внутренне организованная система обязательных элементов, через которые свобода выбора получает правовую форму и становится проверяемой.

2. Состав правоприменительного усмотрения: основные элементы и их содержание.

Субъективный элемент состава правоприменительного усмотрения образует правом легитимированный субъект юридической практики, обладающий соответствующей компетенцией либо правосубъектностью, действующий в установленной процедуре и несущий ответственность за правомерность и мотивированность сделанного выбора. При этом субъект усмотрения не сводится исключительно к органу публичной власти. На родовом уровне

к субъектам усмотрения относятся суд, административный орган, должностное лицо, следователь, нотариус, работодатель, гражданин, юридическое лицо и иные участники правореализационных процессов.

Принципиальная авторская позиция заключается в признании того, что правоприменительное усмотрение присуще не только субъектам, наделенным государственно-властными полномочиями, но и физическим лицам как участникам юридической практики. Усмотрение гражданина проявляется в выборе варианта правомерного поведения, в определении способа осуществления субъективного права, в решении вопроса об использовании либо неиспользовании предоставленной законом возможности, а также в выборе юридически допустимой модели защиты интереса. Такое усмотрение не тождественно публично-властной дискреции, однако обладает признаками правового выбора: нормативной обусловленностью, пределами осуществления и внешним выражением в юридически значимом действии.

Субъективный элемент включает не только формально-юридическую легитимацию, но и внутренние качества субъекта: правосознание, профессиональный опыт, внутреннее убеждение, способность к рациональной юридической аргументации. Эти качества не создают усмотрение сами по себе, но определяют его качество и влияют на то, как субъект соотносит факты, норму, цели и принципы права. В судебной сфере это особенно заметно при оценке доказательств и мотивировке решения; в административной — при выборе оптимального способа публично-властного реагирования [13, с. 145–157; 14, с. 72–99].

Нормативное подтверждение субъектного элемента содержится, в частности, в статье 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ и ст. 17 УПК РФ, закрепляющих оценку доказательств по внутреннему убеждению суда, а также в п. 1 ст. 9 и статье 421 ГК РФ, допускающих осуществление гражданских прав и свободу договора по усмотрению субъектов частного права. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П прямо указал, что применение общей нормы к обстоятельствам конкретного дела осуществляется судьей в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения [18].

Объективный (нормативно-правовой) элемент состава правоприменительного усмотрения образует конкретная правовая ситуация, в которой присутствует юридически значимая неопределенность и допускается более одного правомерного варианта решения или поведения. Объектом усмотрения является, таким образом, не любая правовая ситуация, а только такая, где норма, совокупность норм, оценочное понятие, относительно определенная санкция, альтернативное полномочие, исключение, пробел или коллизионный узел порождают поле допустимых альтернатив.

Значение данного элемента состоит в том, что он очерчивает нормативное пространство выбора. Если закон прямо и исчерпывающе предписывает единственный вариант поведения, то вопрос об усмотрении не возникает. Напротив, наличие оценочных понятий вроде «разумный срок», «уважительные причины», «малозначительность», «существенное нарушение» или «достаточность данных» создает пространство правовой конкретизации. В частно-правовой сфере сходную роль выполняет диспозитивное регулирование: закон допускает выбор способа защиты права, условий договора, модели поведения при наличии нескольких допустимых альтернатив [9, с. 7–13; 10, с. 33–39].

Вместе с тем для теоретического анализа недостаточно лишь указать на объект усмотрения. Необходимо выделить и основание усмотрения как самостоятельный элемент состава. Основанием усмотрения выступает юридически значимая неопределенность, превращающая возможность выбора из потенциальной в обязательную. Иначе говоря, объект отвечает на вопрос, где возможен выбор, а основание — почему выбор становится необходимым. Такое разведение позволяет избежать методологической ошибки, при которой объект и основание смешиваются и тем самым размывается логика состава.

Основания усмотрения неоднородны. К ним относятся наличие оценочных понятий, альтернативных санкций и полномочий, исключений из общего правила, коллизий норм, пробелов в праве, противоречий между фактической и нормативной моделями, а также необходимость индивидуализации меры воздействия. В этих ситуациях неопределенность не разрушает правопорядок, а, напротив, делает возможной адаптацию общего правового предписания к единичному случаю. Именно поэтому усмотрение возникает не только при пробеле, но и при достаточной нормативной регламентации, если сама норма допускает вариативность [11, с. 134–141; 12, с. 412–414].

Содержательный элемент состава правоприменительного усмотрения образует интеллектуально-волевая операция мотивированного предпочтения одного из нескольких допустимых вариантов. Именно здесь усмотрение проявляется как внутренний процесс становления решения и как ядро всей конструкции. Без содержательного элемента остальные компоненты состава существуют лишь как предпосылки, условия или рамки, но не образуют усмотрения в собственном смысле слова.

Содержательный элемент имеет двуединую природу. С одной стороны, он интеллектуален: субъект устанавливает фактические обстоятельства, уясняет смысл нормы, квалифицирует ситуацию, сравнивает допустимые альтернативы, соотносит их с целями и принципами права. С другой стороны, он волевой: субъект принимает на себя ответственность за предпочтение одного варианта, отвергая другие юридически допустимые решения. Поэтому усмотрение не исчерпывается ни знанием права, ни психологическим актом воли, а возникает только как их единство.

Принципиально важно разграничивать содержательный элемент усмотрения и смежные операции. Толкование, установление фактов, оценка доказательств, квалификация юридического состава не тождественны усмотрению, хотя и образуют его предпосылочный материал. Ядро усмотрения появляется лишь тогда, когда после выполнения указанных операций субъект сталкивается с несколькими допустимыми вариантами и должен мотивированно предпочесть один из них. В этом смысле толкование и усмотрение находятся в отношении функциональной последовательности: первое подготавливает пространство выбора, второе завершает его юридически значимым предпочтением [16, р. 435–438].

3. Телеологический, аксиологический и ограничительный элементы состава.

Правоприменительное усмотрение не является самоцелью. Оно служит инструментом достижения задач правового регулирования в конкретной жизненной ситуации. Именно поэтому телеологический элемент должен рассматриваться как самостоятельный компонент состава. Его значение состоит в том, что он задает ориентир, по которому оценивается не только формальная допустимость решения, но и его функциональная адекватность правопорядку.

В наиболее общем виде к целям правоприменительного усмотрения относятся обеспечение справедливости, целесообразности и индивидуализации правового решения. Справедливость предполагает соразмерный учет интересов сторон и публичного интереса; целесообразность ориентирует на достижение социально значимого результата в рамках закона; индивидуализация требует учета особенностей конкретного случая, чтобы правовая реакция не была механическим повторением абстрактной модели. Телеология усмотрения связана, таким образом, не с субъективным удобством правоприменителя, а с объективной логикой и функциями права.

Телеологический элемент особенно отчетливо проявляется в судебной и административной практике. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал значение индивидуализации меры ответственности и недопустимость такого законодательного регулирования, которое исключает учет обстоятельств дела и превращает правоприменение в механический акт [20; 21]. Тем самым цели правового регулирования выступают не внешним фоном решения, а внутренним ориентиром правового выбора.

Если телеологический аспект отвечает за направленность выбора, то аксиологический элемент раскрывает критерии предпочтения одного допустимого варианта другому. Правоприменительное усмотрение всегда ценностно нагружено: субъект не просто устанавливает, какой вариант возможен, но и оценивает, какой из них лучше соответствует праву, справедливости, разумности, добросовестности и балансу интересов. Поэтому аксиологический элемент нельзя сводить к декларативной ссылке на «ценности»; он представляет собой самостоятельный слой состава, обеспечивающий нормативное качество выбора.

Современный конституционный порядок задает иерархию таких ценностей через достоинство личности, свободу, равенство, правовую определенность, социальную справедливость и баланс частных и публичных интересов. Именно через аксиологический элемент в структуру усмотрения входят конституционные принципы, требования разумности и добросовестности, а также запрет превращения формально законного выбора в материально несправедливое решение. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2022 г. № 23-П является показательным примером: свобода договора признана формой частного-правового усмотрения, но ее допустимость поставлена в зависимость от справедливости, соразмерности и баланса конституционно защищаемых интересов [19].

Существенным компонентом аксиологического элемента выступают правовая культура и социально-правовой опыт. Правоприменитель действует не в нормативном вакууме, а в пространстве накопленных стандартов аргументации, судебных позиций, правовых традиций и профессиональных ожиданий. Именно поэтому качество усмотрения зависит не только от текста нормы, но и от способности субъекта соотнести конкретное решение с признанными ценностными критериями порядка [15, с. 123–126].

Пределы и критерии образуют тот элемент состава, который превращает свободу выбора в юридически организованное усмотрение. Без них усмотрение невозможно отличить от произвола. В данной модели пределы не являются внешней добавкой к уже существующему выбору; напротив, они составляют внутреннее условие его юридической природы. Усмотрение становится правовым феноменом только потому, что осуществляется внутри системы нормативно заданных и доктринально признанных ограничителей.

Нормативные пределы включают компетенцию субъекта, процессуальную форму, материально-правовые условия, пределы судебного контроля, требования мотивированности, запрет дискриминации и обязанность учитывать права иных лиц. Доктринально признанные пределы охватывают разумность, добросовестность, справедливость, соразмерность, правовую определенность, баланс интересов и прозрачность процедуры. Ю.В. Оносов справедливо показывает, что пределы, границы и ограничения усмотрения следует рассматривать как взаимосвязанные, но не тождественные категории [9, с. 7–13].

Судебная практика подтверждает системообразующее значение пределов. В Постановлении от 14 февраля 2024 г. № 6-П Конституционный Суд Российской Федерации прямо сформулировал, что нормы, допускающие неограниченное усмотрение в правоприменении, ведут к произволу и ослабляют гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав [21]. Тем самым пределы и критерии выступают не как факультативный корректив, а как центральный признак правомерного правового выбора.

Форма и результат составляют завершающий элемент правоприменительного усмотрения. Пока решение существует лишь как внутренний мыслительный акт субъекта, оно не приобретает юридического значения в полном смысле слова. Усмотрение становится завершённым лишь тогда, когда выбор выражен вовне — в форме судебного решения, административного акта, договора, процессуального постановления, отказа в совершении действия или иного юридически значимого акта поведения.

Именно здесь наиболее наглядно проявляется единство процесса и результата. Процесс усмотрения развивается через анализ, оценку, сопоставление и выбор; результат фиксируется во

внешней юридической форме. Предложенная двухуровневая схема — внутренний уровень становления решения и внешний уровень его объективации — позволяет снять ложную альтернативу «усмотрение как процесс» и «усмотрение как результат»: это две стороны одного и того же феномена.

Показательно, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 19 декабря 2003 г. № 23 связывает законность и обоснованность судебного решения с исследованными доказательствами и мотивами суда [17]. Это означает, что правовое значение имеет не просто итоговое распоряжение, а его аргументированная и проверяемая форма. Мотивировка в данном случае выступает важнейшим средством перевода внутреннего выбора в пространство права.

4. Диалектические связи элементов состава.

Элементы состава правоприменительного усмотрения связаны не механически, а диалектически. Каждый из них предполагает другие и одновременно ограничивается ими. Субъект без объекта не имеет пространства для выбора. Объект без основания не объясняет, почему выбор становится необходимым. Содержательная операция выбора невозможна вне целей, ценностей и системы пределов. Форма объективации не имеет значения без внутреннего процесса принятия решения. Поэтому состав усмотрения следует понимать как систему, а не как простую совокупность частей.

Первая диалектическая связь проявляется в единстве свободы и связанности. Усмотрение предполагает свободу предпочтения одного из допустимых вариантов, однако эта свобода правомерна только в пределах права. Именно здесь проходит граница между усмотрением и произволом. Отсутствие пределов разрушает юридическую природу выбора, тогда как полное устранение свободы делает избыточной саму категорию усмотрения. В этом смысле пределы не внешне сковывают усмотрение, а конституируют его как правовое явление.

Вторая связь выражена в единстве субъективного и объективного. Выбор всегда совершается конкретным субъектом, однако его правомерность оценивается по объективным критериям — норме, принципу, цели, процедуре, мотивированности и проверяемости. Именно поэтому правоприменительное усмотрение не может быть сведено ни к внутреннему убеждению как психологическому состоянию, ни к механическому действию по заранее заданной формуле. Оно представляет собой юридически опосредованный синтез субъективного акта решения и объективной нормативной связанности.

Третья связь проявляется в единстве процесса и результата. Если оставить только процессуальную сторону, усмотрение растворяется в бесконечном ряду познавательных и интерпретационных операций. Если оставить лишь результат, исчезает объяснение того, как именно было достигнуто предпочтение одного варианта. Поэтому двухуровневая модель усмотрения позволяет удержать полноту описания исследуемого феномена.

С помощью конструкции состава становится возможным и более строгое разграничение усмотрения со смежными явлениями. Толкование права не тождественно усмотрению, поскольку само по себе не завершает процесс выбором одного допустимого решения. Оценка доказательств не тождественна усмотрению, поскольку формирует фактическую основу выбора, но не всегда сводится к нему. Аналогия закона и права, применение оценочных понятий, заполнение пробела, использование исключений из общего правила могут выступать источниками или формами проявления усмотрения, но не исчерпывают его. Напротив, произвол отличается отсутствием одного или нескольких обязательных элементов состава — прежде всего пределов, критериев, мотивировки и внешней проверяемой формы.

Таким образом, критерий разграничения правомерного усмотрения и произвола состоит не в самом факте наличия выбора, а в наличии или отсутствии обязательных элементов состава, обеспечивающих юридическую форму такого выбора. Это положение имеет не только

теоретическое, но и прикладное значение: оно позволяет оценивать качество судебных и административных решений, выявлять дефекты нормативного регулирования. Именно поэтому конструкция состава выступает рабочим инструментом последующего анализа правоприменительной практики и подводит к итоговым выводам исследования.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правоприменительное усмотрение должно рассматриваться как структурно организованное правовое явление, а не как случайный продукт неполноты закона. Конструкция его состава дает возможность преодолеть односторонние подходы, сводящие усмотрение либо только к процессу, либо только к результату, и тем самым обеспечивает более строгую теоретико-правовую характеристику данного феномена.

Состав правоприменительного усмотрения образуют взаимосвязанные элементы: субъектный, объективный, содержательный, телеологический, аксиологический, формально-результативный блоки, а также основание усмотрения в виде юридически значимой неопределенности и система пределов и критериев, отделяющих правомерный выбор от произвола. Отсутствие любого из этих элементов означает либо отсутствие усмотрения как такового, либо утрату им правовой природы.

Научная новизна проведенного исследования состоит, во-первых, в разработке конструкции состава правоприменительного усмотрения как общетеоретической модели правового выбора; во-вторых, в выделении основания усмотрения как самостоятельного элемента состава; в-третьих, в аргументации тезиса о признании физических лиц субъектами юридического усмотрения; в-четвертых, в раскрытии телеологического и аксиологического элементов как самостоятельных компонентов структуры усмотрения; в-пятых, в предложении критерия разграничения правомерного усмотрения, произвола и смежных правовых явлений через наличие либо отсутствие обязательных элементов состава.

Практическая ценность предложенной модели состоит в том, что она может использоваться для анализа судебных и административных решений, для оценки качества правового регулирования, а также для разработки критериев мотивированности, соразмерности и проверяемости правоприменительного выбора. Тем самым состав правоприменительного усмотрения выступает не только теоретической конструкцией, но и инструментом анализа современной юридической практики.

Литература

1. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. 376 с.
2. Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 70–79.
3. Усмотрение в правоприменительной деятельности: современные подходы / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС, 2022. 272 с.
4. Чибизов В.В. Правоприменительное усмотрение и его роль в преодолении юридических коллизий: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2020. 216 с.
5. Игнатьев А.С. Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа: на примере сферы судебного конституционного контроля: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. СПб., 2015. 211 с.
6. Reyes Molina S.A. Judicial Discretion as a Result of Systemic Indeterminacy // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. 2020. Vol. 33. No. 2. P. 369–395.
7. Asgeirsson H.A. Puzzle about Vagueness, Reasons, and Judicial Discretion // Legal Theory. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 175–196.

8. Tanzilulloh M.I., Hartiwingsih H. Understanding Judicial Discretion: A Comparative Study of Judge's Legal Reasoning in Civil Law and Common Law Jurisdictions // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2024. Vol. 814. P. 683–689.
9. Оносов Ю.В. Пределы, границы и ограничения правоприменительного усмотрения // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 7–13.
10. Суменков С.Ю. Юридические исключения и правоприменительное усмотрение // *Право и политика*. 2018. № 3. С. 33–39.
11. Азарова Е.С. Механизм формирования правоприменительного усмотрения // *Вестник гражданского процесса*. 2019. № 4. С. 134–141.
12. Нинчиева Т.М., Колесникова О.Ю., Харитоновна О.Н. Правовое основание и механизм формирования правоприменительного усмотрения // *Юридическая наука и практика*. 2021. Т. 17. № 4. С. 412–414.
13. Старостин С.А. Административное усмотрение: понятие, пределы, контроль // *Административное право и процесс*. 2020. № 8. С. 145–157.
14. Соловей Ю.П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 4. С. 72–99.
15. Шерстобоев О.Н. Судебная проверка административного усмотрения: сравнительно-правовой подход. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 248 с.
16. Cravens S. M. R. Judging Discretion: Contexts for Understanding the Abuse of Discretion Standard // *Texas Law Review*. 2008. Vol. 87. P. 435–500.
17. О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2004. № 2.
18. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 7. Ст. 700.
19. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2022 г. № 23-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2022. № 24. Ст. 4103.
20. По делу о проверке конституционности части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2013. № 8. Ст. 868.
21. По делу о проверке конституционности отдельных положений налогового законодательства: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2024 г. № 6-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2024. № 8. Ст. 1098.